

Сидящий на вершине горы Ван Баолэ поднял голову и слегка прищурился. Он заметил что-то в небе. Его посетило смутное чувство, будто мимо него прошел поток божественной воли. Ей не хватало живости, отчего казалась какой-то механической. Похоже, она искала любые намеки на естественные законы из внешнего мира.

Ван Баолэ изнутри и снаружи пронизывала аура магического закона радости. За несколько месяцев на втором плане он надежно спрятал свои естественные законы внешнего мира. За это ему стоило благодарить культивацию пятого шага. Поскольку ему были доступны всё многообразие дао, он мог манипулировать ими на тончайшем уровне, что позволило ему идеально скрыть их присутствие. На четвертом шаге, будучи лишь истоком дао, его связь с ним будет слишком глубокой, чтобы полностью скрыть от посторонних.

"Изначальная вселенная пустого дао похожа на глубокий омут..."

Ван Баолэ опустил голову, закрыл глаза и вернулся к медитации. Семечко дао радости внутри него пустило корни и постепенно росло. Шло время. Три месяца спустя естественный закон дао радости Ван Баолэ сделал еще более совершенным. Жители деревни внизу оказались на удивление радушными людьми, словно культивация дао радости делала людей добросердечными. Это было как-то связано с эссенцией естественного закона.

Эту доброту Ван Баолэ признавал. Но в Изначальной вселенной пустого дао она не являлась доминирующей чертой характера. Подобно факелу в ночи, которому никогда не суждено полностью разогнать мглу. Этот свет всегда буде считаться чем-то чужеродным во тьме.

Именно такой была эта деревенька. Однажды ночью несколько дней спустя Ван Баолэ всё еще сидел на вершине горы. Ни с того ни с сего он открыл глаза и взглянул на далекую горную грядку. В тусклом лунном свете он увидел лишь тени, бросающиеся деревьями. Вот только... в горах отчего-то стало слишком тихо. Возможно, именно поэтому до него донеслось едва слышное пение.

"Перерождение невозможно..."

Стоящая спиной фрейлина..."

Голос был женский. В нём чувствовалась затаённая обида, некая странность и даже подавленность, как будто ей очень хотелось выплеснуть эти эмоции и закричать, но почему-то она не могла этого сделать.

Услышав пение, Ван Баолэ вздрогнул. Его сердце стали медленно сжимать невидимые тиски, словно хотели раздавить его и порвать присоединенные к нему вены и артерии, а потом вырвать его у него из груди.

Внезапно горы вдалеке, скрытые в непроглядной тьме, стали полупрозрачными. Тусклый лунный свет прошел сквозь них, отчего он смог увидеть намного больше. В прояснившейся ночи он увидел женщину в длинном черном платье с тёмными волосами до плеч. Она неторопливо спускалась по горному склону с низко опущенной головой. Вопреки ожиданиям она выглядела большой даже на фоне горы.

Несмотря на скрывающие лицо волосы, можно было увидеть, как по щекам стекают капли крови. Вокруг неё парило несколько сотен размытых силуэтов. Иногда они превращались в музыку, а потом снова перекидывались в людей. Вместе с женщиной они направлялись к

деревне, рядом с которой обосновался Ван Баолэ.

Пение становилось всё громче.

"Погубить влюбленность, поднять пыль...

Кто ждёт чьего возвращения..."

Там, где падали капли её крови, полупрозрачная гора окрашивалась в алый, растительность увядала. Ненависть в её голосе становилась всё явственнее, а подавляемые эмоции готовы были выплеснуться в любую секунду.

У Ван Баолэ загудела голова. Закон дао радости внутри него мгновенно рассеялся. Прищурившись, он посмотрел на женщину в черном. Его знаний об этом мире хватило, чтобы сразу понять личность загадочной дамы — практик Города жаждущих слушать только на совсем другом уровне в сравнении с теми, кого он повстречал в алом тумане. Те двое были всего лишь несколькими строчками нотами. Им было далеко до полноценной музыки. Но здесь он слышал не только музыку. У неё ещё были слова. Песня повлияла на его разум. Из этого можно сделать вывод, что женщина была могущественным представителем Города жаждущих слушать.

"Ищет меня? Или хочет уничтожить деревушку подле горы?"

Глаза Ван Баолэ холодно сверкнули. Практики одной из ветвей учения радости в низине у подножья горы тоже проснулись. Вслед за ликующими криками пришла воля радости и разлилась во все стороны. Как будто тьма со всех сторон обступила сияние одинокого факела, но пламя отказывалось гаснуть и продолжало изо всех сил цепляться за жизнь.

Воля радости запустила какую-то перемещающую технику. С окраины деревни поднялась стена мягкого света, постепенно накрывая поселение сияющим куполом. Одна из прямых ветвей учения радости, пусть и ослабленная за годы гонений, сохранила магию для защиты в случае появления угрозы. Перемещение с помощью воли радости было одним из таких заклинаний.

Когда стены света соединились в купол, началось перемещение. Вот только прибывшая к их деревне певчая из Города жаждущих слушать оказалась слишком могущественной. Её странное, полное ненависти пение влияло на жителей деревни. У практиков учения радости сжалось сердце, а сами они побледнели. Похоже, из них буквально вытягивалась жизненная сила.

Это повлияло и на их магический закон радости. Начавшееся перемещение не могло завершиться мгновенно. Под натиском губительной песни световой барьер начал разрушаться.

Ван Баолэ негромко вздохнул. За полгода жизни на горе деревенские жители хорошо к нему относились, поэтому вне зависимости от того, пришла ли эта женщина за ним или чтобы уничтожить деревню, у него не было причин оставаться в стороне.

Когда сияющий купол искривился, Ван Баолэ перевел взгляд на медленно идущую к деревне женщину в черном. Стоило ему улыбнуться, как из него с рокотом вырвался естественный закон радости. Он породил незримые волны, которые понесли во все стороны воодушевление. Там, где проходили волны, вновь зеленели завядшие растения, окрашенные кровью горы как будто кто-то отмыл. Даже небо и земля возвращались к своему первоначальному цвету.

Женщина в черном вдалеке резко впечатала ногу в горный склон. Семь-восемь певчих, кружащих вокруг неё, не смогли сдержать улыбок. Их песня прервалась, а потом... с улыбками на устах были уничтожены телом и душой. Этой заминки хватило, чтобы сияющий над деревней барьер установил канал. Перемещающая формация тут же с рокотом открылась.

Пока практики деревни телепортировались, женщина в черном остановилась и медленно подняла голову. В лунном свете сквозь просветы в спутанных волосах можно было увидеть лицо... из её глаз, уголков губ, носа и ушей текла кровь, а на шее чернела зарубцевавшаяся рана.

Её глаза напоминали глубокие темные омуты. Казалось, что в них кто-то двигался. Женская фигура, как у оперной певицы. Она танцевала и пела. Её песня была пронизана подавленностью и ненавистью.

"Ночной дождь зол, осенние лампы..."

Освятили пустую сцену...

Те, кто должен прийти, не пришли...

Те, кто должен здесь быть, отсутствуют..."

<http://tl.rulate.ru/book/15485/2279344>